

22.02 - 52

Игорь Ильинский читает Гоголя

«Грустно! мне заранее грустно!» — просто произносит артист слова гоголевской повести. А слушатель уже предчувствует — рассказ этот будет важным и значительным.

Игорь Ильинский читает повесть Гоголя «Старосветские помещики»: об Афанасии Ивановиче и Пульхерии Ивановне — людях позапрошлого века, которые «только пили и ели, и потом умерли». Что же тут важного? Но Белинский не напрасно говорил, что Гоголь написал эту повесть «в минуту поэтического откровения».

В «Старосветских помещиках» проявилась вся сила гоголевского гуманизма. Правдиво и беспощадно изобразил художник бездеятельную, растительную жизнь своих героев. Читатели сразу почувствовали в этом описании ненависть ко всему строю царской помещицкой России, который угнетал не только крепостных, но и в самих владельцах живых душ умервлял все человеческое.

Один, без грима, в простом пиджаке стоит Игорь Ильинский на эстраде и рассказывает. И перед нами, как живые, возникают образы героев повести.

Успокаивающей добротой веет от аккуратной, закругленной речи Пульхерии Ивановны. Произнося ее слова, артист ясно и мягко выговаривает каждый слог. Мы видим и лицо старушки, одушевленное преданным вниманием к мужу. Но вот оно меняется, и перед зрителем возникает другое лицо, более угловатое — тоже доброе, но наивно-эгоистическое и чутьчку туповатое лицо Афанасия Ивановича.

Все его старческое тело сотрясается от беззвучного смеха — он так доволен, что «под-шутил» над своей верной подругой! Замечательна тут мимико-интонационная игра Ильинского.

С улыбкой следим мы за движениями

Афанасия Ивановича, когда он важно и озабоченно отгоняет гусей от крыльца. Удивленный и грустный смех вызывает обжорство Афанасия Ивановича, которое Ильинский изображает остро-сатирически. И это человек? — заставляет нас горько задумываться Гоголь, от имени которого как бы говорит актер.

Артист-чтец рассказывает об уснувших желаниях и мыслях Афанасия Ивановича, о том, что давно прошло, и на мгновение в одряхлевшем облике старика мелькает былая молодцеватость, уже бессильная побороть старость, и снова грустный и ровный голос Ильинского заключает: «но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере, никогда не говорил»...

...Но вот в сонную полуживотную жизнь старосветских помещиков вошло человеческое горе. Афанасий Иванович хоронит Пульхерию Ивановну. Светит солнце, слышится пение жаворонка, смех резвящихся на дороге детей и рядом тут же оцепенелый Афанасий Иванович. Нас ранят эти контрасты. В то время, как мы слушаем строгое и почти бесстрастное повествование о том, как «странно глядит» на окружающую жизнь вдовец, весь облик артиста благодаря неуловимой мимической игре и внутреннему проникновению в душу героя передает простое и глубокое горе Афанасия Ивановича. Трагический отблеск уже не сходит с его лица. Слово впервые, замечаем мы, как углублен в себя взгляд старика, приближающегося к смерти, какая у него одеревянялая походка.

Велика сила глубокого человеческого искусства Гоголя, и ощутить ее помогает нам виртуозное мастерство, полное жизненной правды, — художественное чтение Игоря Ильинского.

Э. ГРИГОРЬЕВА

Литературная Газета

27 ФЕВ. 1952